

Вырванный из мирного сна, я обнаруживаю, что рука Бейлдага, крепко сжимает мое горло, его слова эхом отдаются в моих ушах. Сердце колотится в груди, голова пульсирует в унисон, ноги болтаются над землей. Совершенно сбитое с толку, мое тело реагирует инстинктивно. Схватив его за запястье обеими руками, я подтягиваю ноги вверх и толкаю его обеими ногами. Усилив хватку, он бросает меня на землю, мое тело падает и скользит. Задышавшись от боли, я медленно ложусь на спину, прежде чем его ботинок приземляется на мою грудь, выдавливая воздух из моих легких, он ревет:

— Это правда?

— Что? — Слово дается легко, звучит спокойнее, чем я ожидал при нынешних обстоятельствах. О да, это все происходит у меня в голове, мне не нужно дышать здесь. В тот момент, когда эта мысль приходит мне в голову, боль исчезает и давление в груди ослабевает, хотя головная боль остается такой же сильной. Не трогая его ботинок на моей груди, я поднимаю руки в знак покорности. — На случай, если ты не заметил, я спал, так что тебе придется поговорить со мной, Бейлдаг. — Он об этом не знает, но я уверен, что он сможет уничтожить меня с помощью незначительных усилий.

Оскалив зубы в рычании, Бейлдаг излучает первобытную ярость, заставляет меня желать спрятать голову в шею и спрятаться. Он тяжело дышит, произнося каждое слово так, словно оно дорого ему обходится.

— Эм. Я Осквернен?

Вот дерьмо.

Моей непроизвольной реакции достаточно, чтобы подтвердить его подозрения, его тело рушится под тяжестью правды, падает на колени с выражением побежденного человека на лице. Осторожно сев, я устраиваюсь рядом с ним, плечом к его плечу, если ему понадобится на кого-то опереться.

— Чтобы быть справедливым, это, ведь не... конец? За неимением лучшего слова. У тебя еще есть надежда.

— Просто убей меня. — Его голос тверд, его тон спокоен, когда он смотрит в пустоту. — Прекрати мои страдания, брат, я ничего не сделал правильно. Эти призраки, я пожирал их, думая, что это поможет, приглашал их в себя. Теперь, когда я знаю, я слышу их шепот, они разъедают меня, побуждают меня убить тебя и занять твое место.

Ну что же, это... не хорошо.

— Мы что-нибудь придумаем. Ты все еще здесь, не сдавайся.

Он усмехается и качает головой.

— Зачем? Ради чего жить? Почему я должен продолжать бороться только для того, чтобы выйти ни с чем? Набирая обороты, он продолжает свою тираду, оживая на моих глазах. — Даже меньше, чем ни с чем. Я живу в лучшем случае полжизни, спрятавшись глубоко в нашем сознании. Никто не знает меня, кроме тебя. Кто будет оплакивать меня, если я умру?

— Я буду.

Оттолкнув меня в сторону, он нависает надо мной, его гнев подпитывает его.

— Почему? Потому что ты потеряешь своего "драгоценного младшего брата"? Почему это тебя волнует? Ты держишь меня рядом только потому, что мои страдания забавляют тебя, напоминают тебе, что в мире всегда есть кто-то хуже.

Это не очень хорошо...

— Успокойся, Бейлдаг.

— ТОЧНО! — Он кричит, глаза широко раскрыты, лицо покраснелось. Вены под загорелой кожей вздулись, придавая ему красно-зеленоватый оттенок. — Бейлдаг! Вот кто я, но никто меня не знает. Ты Падающий Рейн, ты живешь моей жизнью, не оставляя мне ничего, кроме объедков.

Передвигаясь как краб, я проглатываю свой страх перед его трансформацией, побежденная собака превращается в преследующего хищника, злого, обиженного и голодного.

— Расслабься, ладно? Давай поговорим спокойно.

— Да, давай поговорим, — усмехается он, он дрожит перед моими глазами, растет и искажается по мере того, как он продвигается вперед. — Падающий Рейн, герой империи, чем он заслужил это? Победа в четырех дуэлях против Общества - это героизм. Только ты их не выиграл. Я это сделал. Слава Бейлдага аккуратно падает в руки Падающему Дождю. Как хорошо. Для тебя.

— Это не-

Не обращая внимания на мои слова, он бьет меня наотмашь, и мое тело, шатаясь, летит в пустоту. Его голос проникает в мои уши, как будто он стоит рядом со мной, отражаясь в моем сознании.

— Ты трус, слабак. Почему я должен отдать свою жизнь за тебя? — На этот раз мне в спину наносится еще один удар, разносящий сквозь меня волны агонии. — Без меня ты был бы никем, и ты это знаешь, стремясь победить своими неуклюжими игрушками и никчемными трюками. — Мир перестает вращаться, когда Баледаг стоит передо мной, вооруженный гротескными копиями Мира и Спокойствия, оружие вплавляется в его плоть, когда он улыбается с вызовом. — Пойдем, брат, — насмехается он, широко раскинув руки. — Иди и сразись со мной. Если ты не хочешь жить как воин, то, по крайней мере, можешь умереть как воин.

Протягивая руку, чтобы остановить его, его фигура расплывается у меня в глазах, когда его меч отсекает четыре моих пальца. Отшатнувшись, я снова пытаюсь урезонить его, но прежде, чем я успеваю заговорить, его щит врезается мне в лицо, отбрасывая мою голову назад. Меч режет раз, другой и снова, каждый удар отнимает ухо, руку, а затем половину моей ноги, заставляя мои нервы гореть в агонии. Оттолкнув меня, он ухмыляется, когда я лежу беспомощный, едва способный поднять голову, он собирает мои отрубленные части в свои руки. Держа мой палец над головой, как виноградину, он бросает его в рот и громко жует, наслаждаясь моим ужасом.

— Вряд ли это вызов. Покажи мне великую доблесть Падающего Рейна.

Задыхаясь от боли и отвращения, я поднимаюсь на ноги, тяжело дыша от напряжения. Черт возьми, ты не дышишь, и на самом деле ты не ранен. Глубоко вздохнув, я прочищаю голову, агония проходит, и я смотрю на свое тело, здоровое и невредимое. С гневным воплем он

бросается в атаку и наносит шквал ударов. Стоя неподвижно, я бесстрастно наблюдаю, как каждый удар, направленный невидимой силой, безвредно проходит по воздуху вокруг меня.

Оставив Бейлдага, я внимательно изучаю его, смущенный его резким изменением. Это призраки довели его до этого? Если так, то почему он стал слабее? Теоретически, он должен быть способен разорвать меня на части мыслью, это его разум, его тело. Чего вообще хотят призраки? Он сказал мне, что они просили его сдаться, снова и снова, даже после того, как он сам умолял их забрать его. Так почему же он не стал полностью оскверненным? Это потому, что я пришел первым, когда он сдался в шахтах?

Думаю, даже у душ есть права скваттера.

- Тебя это забавляет, брат? — Бейлдаг ходит вокруг меня с уродливой гримасой, обещая пытки и страдания. Он неуклюже ковыляет, ссутулив плечи и низко опустив голову, весь в сухожилиях и мышцах, а его руки деформируются и удлиняются, волочатся за ним, меня поражает странное чувство... неправильность, несоответствие в его облике. Когда я впервые увидел его, я возненавидел его за самоуверенность. Царственный, гордый и властный, он раздражал меня до бесконечности, в нем было все, чем я хотел бы обладать и никогда не смогу обрести. Тигр, расхаживающий по клетке, грациозный, сильный и даже красивый на примитивный манер. Теперь я вижу только страшное, уродливое существо, неуклюже топчущийся, насмехающийся над некогда гордым воином.

Ха!... Наверное, поэтому их и называют оскверненными.

— Ты знаешь, — говорю я, прерывая его тираду, обещающую боль и ужас, — Бейлдаг, которого я знаю, воин, уже бы действовал. Разговоры ничего не стоят.

С яростным воплем он бросается на меня, и я снова поднимаю ладонь, чтобы остановить его. На этот раз, однако, он останавливается, его тело виснет в воздухе, как будто его держит гигантская невидимая рука. Разглагольствуя и бредя, он безуспешно пытается освободиться, возобновляя свою бесконечную тираду угроз. Игнорируя его слова, я изучаю его, перебирая все, что когда-либо говорил мне Бейлдаг. Что-то здесь не так, но я не могу понять, что именно. Наклонив голову, я делаю шаг вперед и поднимаю руку, чтобы ударить, наблюдая за его реакцией.

Не страх, а раздражение, легкое раздражение, как у человека, который вот-вот проиграет партию в шахматы. Сузив глаза, я говорю:

— Ты не Бейлдаг. — Он слишком болтлив, чтобы быть пассивным. Бейлдаг любит подразнить, но только перед тем, как убить, а эта... тварь на самом деле не пыталась убить меня.

Мои слова производят ошеломляющий эффект, он демонстрирует легкий шок, за которым следует улыбка, расслабляющая мои мысленные оковы, его голос меняется на незнакомый тон, каждый слог подчеркивается раздражающим образом.

— Не важно, кто мы. Мы здесь, мы вечны, и ты подчинишься.

...Ну и черт. Сколько личностей разделяют это тело?

Я должен начать взимать арендную плату.

<http://tl.rulate.ru/book/591/482249>